

И. А. Гончаров.

В. Н. Майков (Некролог)

Оригинал находится [здесь](#).

На нынешний раз мы должны начать наш русский фельетон очень печальной новостью. 15 числа прошедшего месяца скончался, по несчастному случаю, в 50 верстах от Петербурга, Валериян Николаевич Майков, сын известного художника и брат поэта, – на 24 году от рождения. Он с семейством своим отправился на несколько дней в деревню к знакомым и на другой день по приезде туда, разгоряченный продолжительною прогулкою, стал купаться в пруде и умер там внезапно от апоплексического удара.

Сообщая это печальное известие нашим читателям, мы долгом считаем сказать несколько слов о покойном, тем более что имя Майкова 2-го почти не было известно публике, между тем как с половины прошедшего года в "Отечественных записках", а в последнее время и в "Современнике" появлялись его статьи по части критики и библиографии, обратившие на себя внимание публики.

В. Майков вступил на поприще общественной деятельности в то время, когда другие сидят еще на школьной скамье. Быстрым и ранним развитием своих прекрасных способностей он обязан был, во-первых, природе, которая так же щедро наделила его дарами своими, как и прочих, известных уже публике членов его семейства; во-вторых, разумному, свободному, чуждому застарелых, педантических форм первоначальному воспитанию, которое получил он в своем домашнем кругу. После такого образования, совершившегося среди дилетантов наук и искусств, В. Майков перешел уже к строгому и методическому учению в Петербургском университете, откуда по окончании курса и выпущен кандидатом. Вскоре после того он вступил в службу по Министерству государственных имуществ, но слабое от природы здоровье, не подкрепляемое телесными упражнениями, – ибо весь избыток сил принесен был в жертву умственной жизни, – не устояло против постоянных служебных трудов. В. Майков принужден был выйти в отставку и ехать для восстановления здоровья за границу. Но любовь к науке и труду никогда не покидала его. Продолжая заниматься историею и политико-экономическими науками, он пристрастился к философии и изучал новейшую философию, преимущественно немецкую. Как любознательный человек, он успевал заглядывать в область наук и другого разряда: урывками учился химии; как человек с душой, страстно любил искусство во всех его видах и отраслях и изучал его теоретически и практически, дома и за границу. Знание трех языков делало ему доступным чтение всех замечательных произведений по части наук и изящной словесности. Слабость здоровья, препятствовавшая ему просиживать по несколько часов на службе, отнюдь не мешала, однако же, предаваться любимым занятиям. Одаренный умом светлым, проникательным и восприимчивым, он с необыкновенною легкостью приобретал познания, и едва ли кому так дешево досталось бы звание ученого, как ему.

Учась, он не запирался от людей, не прятался от общества, избегал малейшего педантизма и всякого внешнего признака учености. Он ловил знания всюду, на лету, в разговорах, почерпал из книг, и часто серьезная мысль заставляла его в кругу приятельском. Он тут же легко и увлекательно развивал ее и, обладая вполне даром слова, умел придать ей общую, всем доступную занимательность. Ему довольно было одного намека на идею, и он быстро усваивал ее себе, тотчас подвергал ее своему врожденному тонкому анализу и мгновенно делал из нее какой-нибудь блистательный, часто неожиданный, но всегда строго логический вывод, избегая с необыкновенным искусством всего, что есть парадокс и софизм. Так точно достаточно было ему легкого очерка целой системы, чтобы силою своей мыслящей способности покорить ее своему ведению и приложить в данном случае к делу. Важное и глубокое творение мыслителя-философа он читал с такою же легкостью, как и произведение беллетриста, где и когда угодно, не запираясь в кабинете, не завешивая окон и т. п. При нем в то время можно было говорить, шуметь: ум его ненарушимо делал свое дело и, несмотря ни на какую помеху, достигал цели.